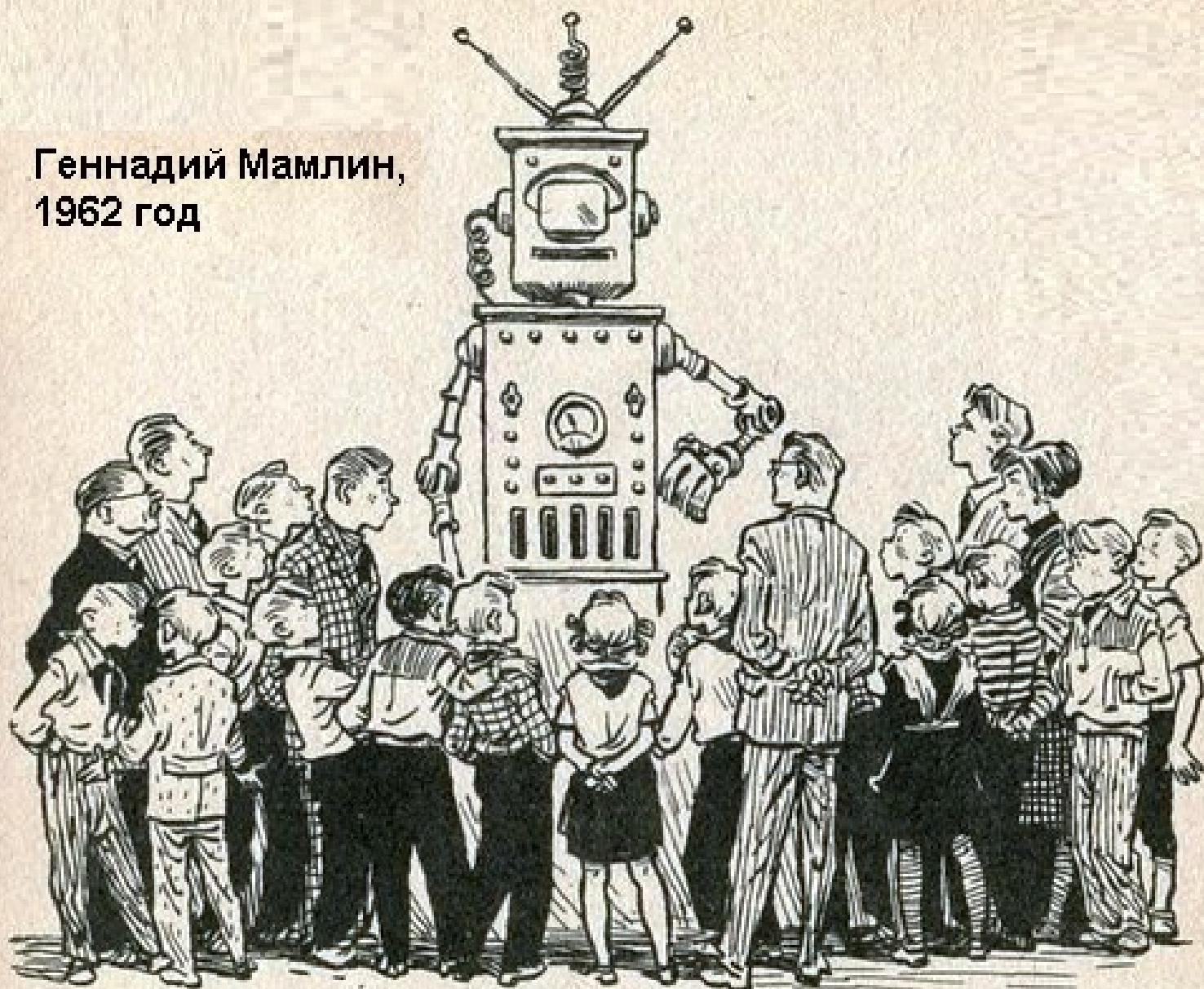

Геннадий Мамлин,
1962 год

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК И ВОВКА БОРОДИН

Двадцатый век —
Волшебный век!

Народ стоит, глаза,
Как ходит чудо-человек
По комнате музея.

Двенадцать кнопок на груди
И с надписью престрогой
Дощечка: «Стой! Не подходи!
А подошёл — не трогай!»

На голове, как хохолок,
Торчит спираль антенны.
Гиганту низок потолок,
Тесны гиганту стены.

Готов шагать в любой поход —
Большой и угловатый, —
Как славный рыцарь Дон-Кихот,
Он весь закован в латы.

«Прощайте», — робот вдруг сказал
И поклонился ловко.

И все ушли в соседний зал.
Остался только Вовка.

Двадцатый век — волшебный век,
А он живёт в двадцатом.
Нажмёт на кнопку человек —
И расщепляет атом.
Нажмёт на кнопку — и кино
К нему приходит на дом.

Программы школьные давно
Пересмотреть бы надо:

Зачем учить про устья рек,
Моря, пустыни, сопки?
Пусть в классе учит человек,
Как нажимать на кнопки.

Свободней будет голова,
А сколько будет дважды два,
Как строят дом и даже
Как пишут сложные слова,
Машина нам подскажет...

Всё дальше, тише голоса.
Зажгла огни столица.

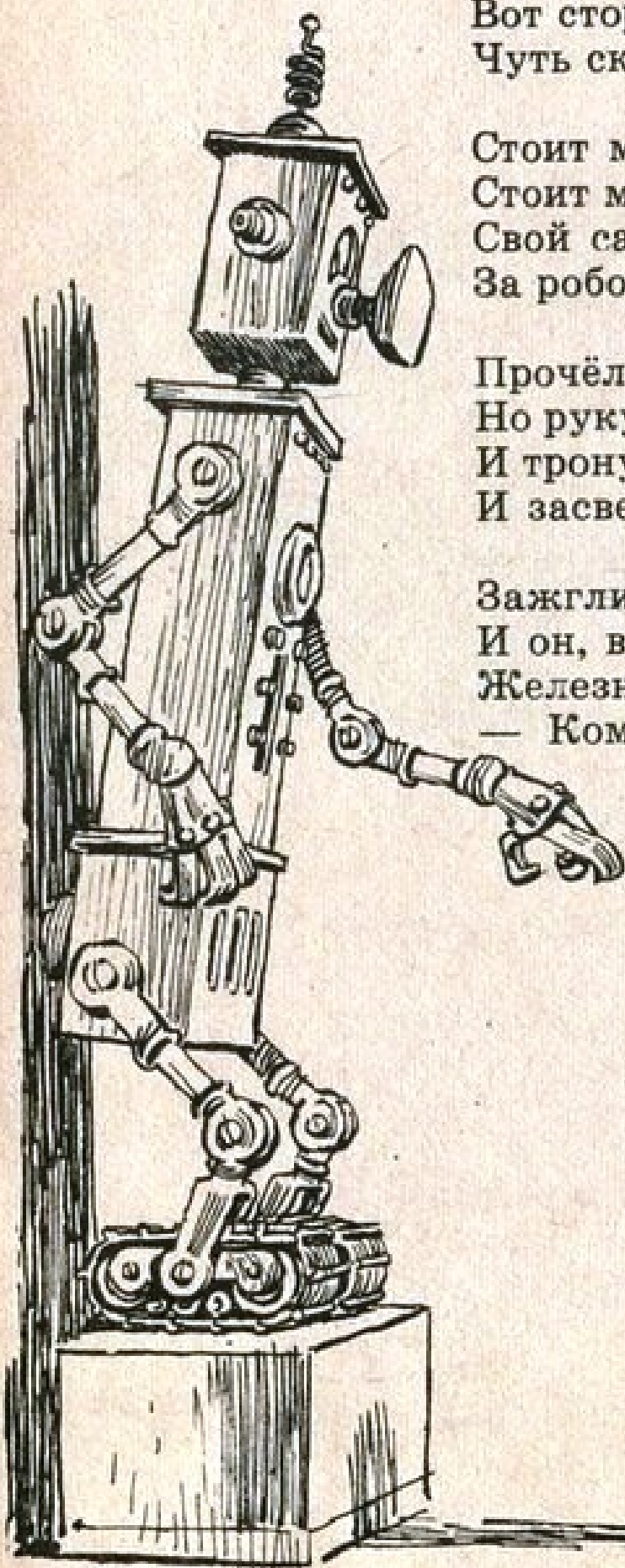
Вечерней тени полоса
На светлый пол ложится.

И робот стал похож теперь
На сказочного джинна.
Вот сторожа закрыли дверь —
Чуть скрипнула пружина.

Стоит мальчишка, восхищён.
Стоит мечтает Вова.
Свой самокат отдал бы он
За работа такого.

Прочёл он вслух: «Не подходи!» —
Но руку поднял робко
И тронул кнопку на груди.
И засветилась кнопка.

Зажглись у робота глаза,
И он, взглянув сурово,
Железным басом вдруг сказал:
— Командуй мною, Вова!

Я и сам, друзья, такого
Не видал ещё вовек:
По бульвару рядом с Вовой
Шёл железный человек.

Как матрос, он шёл враскачку,
Вслед бежали малыши:

- Эй, реши мою задачку!
- Сочиненье напиши!

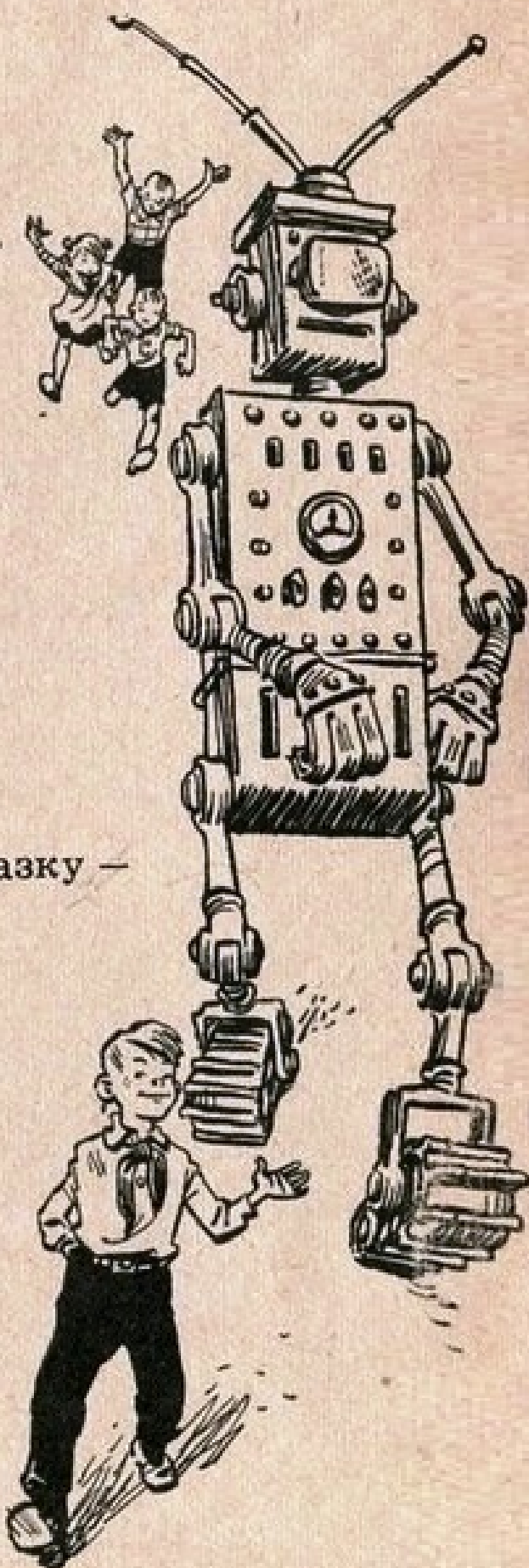
Появился дворник рядом,
Великана смерил взглядом:
— Что стоять ему без толку!
Нынче техника в чести.
Пусть возьмёт мою метёлку
Да поможет двор мести.

Катит женщина коляску,
Просит робота помочь:
— Пусть споёт, расскажет сказку —
Раскапризничалась дочь.

Нажимает Вова кнопки —
Ото всех ему почёт...

Дома робот чинит пробки,
Варит суп, блины печёт.
Проверяет робот сдачу,
Караулит сад и дачу,
Отвечает на вопросы,
Бабку водит к докторам,
Кормит пса, сестрёнке косы
Заплетает по утрам.

Вовка в класс забыл дорогу,
Обленился понемногу.

Стал солиден Вовка, важен:
Обзавёлся Вовка вдруг
Нянькой, поваром и даже
Академией наук.

Ходит Вовка руки в брюки.
Ай да век — двадцатый век!
Проживёт и без науки
Современный человек.

— Захочу и — очень просто —
Новый спутник запущу,
Захочу — и новый остров
В дальнем море отыщу.

Новый остров?!
В самом деле!
Слушай, робот, мой приказ:
Приготовь на той неделе
Мне для плаванья баркас!

* * *

Над мачтой чайка кружится,
Приказ к отплытью дан.
Спокоен, будто лужица,
Великий океан.

Не Вовкою открытые,
Лагунами изрытые,
Лианами увитые,
Приметные едва,
Но кем-то населённые,
На карты нанесённые,
Уютные, зелёные
Мелькают острова.

«Держать левой Австралии!
Направо повернуть,

Вдоль Африки и далее...
Ещё куда-нибудь!»

На третий день впервые
Сгустились облака,
И волны штормовые
Пришли издалека.
Железные ручки
Не выпустят штурвал,
Но ветер злобно свищет,
Идёт девятый вал,
И небо сыплет белыми,
Сверкающими стрелами.

— Ложись! — кричит
мальчишка. —
Не то нам будет крышка!

Но робот, над баркасом
Во весь поднявшись рост,
Сказал спокойным басом,
Что держит курс норд-ост.

Он всех не знает правил,
Он Вовкин ждёт приказ.
Спокойно он поставил
Бортом к волне баркас.

Опять в полнеба вспышка —
И ахнул вдруг мальчишка:

Вошла легко, как в глину,
Стрела в стальную грудь.
На помощь исполину!
Эй, люди! Кто-нибудь!!
Баркас кренится снова —
Штурвал хватает Вова.

Но встала над баркасом
Волна, гора горой —
И с мамою и с классом
Прощается герой...

* * *

Берег. Пальма будто вышка.
За горой закат угас.
На скале сидит мальчишка.
На мели сидит баркас.

По песку катает робот,
Будто обруч, медный обод
И бормочет солнцу вслед:
«Уходя, гасите свет!»

Он контужен, ранен тяжко.
Он разладился, бедняжка.

Вовка пальцем тычет в клеммы,
Вовка спрашивает:

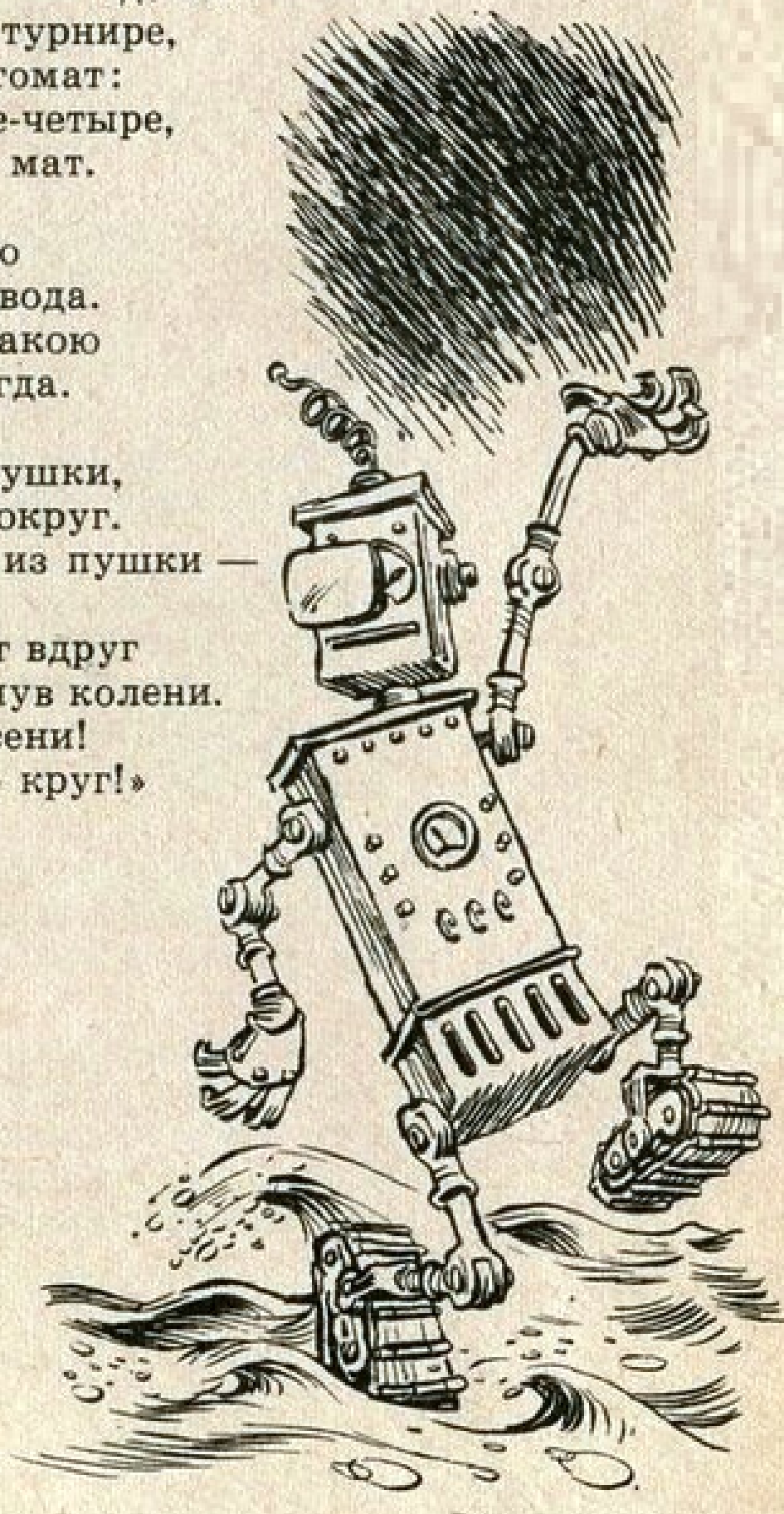
— Где мы? —

Но в ответ, как на турнире,
Басом рывкнул автомат:
— Ферзь е-два на е-четыре,
Объявляю шах... и мат.

Вова трогает рукою
Лампы, гайки, провода.
Нет, с механикой такою
Он не сладит никогда.

А вокруг ни деревушки,
Ни души живой вокруг.
Хоть кричи, пали из пушки —
Не придут.

А робот вдруг
В пляс пошёл, согнув колени.
«Ах вы сени, мои сени!
Шире, шире, шире круг!»

Пляшет, будто под трёхрядку,
Бьёт в ладоши великан
И вприсядку и вприсядку —
Прямо в море-океан.

Ни о чём не беспокоясь,
Знать не зная о беде,
Пляшет он в воде по пояс,
Пляшет он по грудь в воде.

Он уйдёт под воду скоро
С головой — и кончен сказ...

Хорошо, что у танцора
На пути стоял баркас
(Он стоял и терпеливо
Ждал не Вовку, а прилива).

На баркасе робот пляшет,
Пляшет робот на корме.
— Стой! — руками Вовка машет. —
Да в своём ли ты уме?
Эй, не балуй там с мотором!

Но уже стучит мотор
И ушёл баркас с танцором
Бороздить морской простор.

Ахнул Вовка. Сердце сжалось.
Он изменой поражён.
То ли Вовке показалось,
То ли впрямь услышал он:
«Нет, у неуча такого,
Жить я больше не могу!»

И один остался Вова
На песчаном берегу.

* * *

Сидит Володя Бородин
И молча смотрит вдаль.
Который день сидит один,
А мне его не жаль.

Но вы печалитесь о нём?
Вам жаль его отчасти?
Что ж, мы домой его вернём,
Всё в сказке в нашей власти...

Двадцатый век — волшебный век!
Стою и я, глаза,
Как ходит чудо-человек
По комнате музея.

И слышу — двое октябрят
Со мною рядом говорят:

— Зачем читать нам столько книг,
Учить моря и сопки?
Пусть лучше учит ученик,
Как нажимать на кнопки.
Зачем нам школа! — говорят...

Признаюсь по секрету,
Что я как раз для тех ребят
Придумал сказку эту.

